

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Vestnik drevney istorii
84/3 (2024), 796–806
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/3 (2024), 796–806
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S0321039124030125

L. PRANDI. Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti. (Centro ricerche e documentazione sull'antichità classica: Monografie, 50). Roma—Bristol: “L’Erma” di Bretschneider, 2020. VI + 201 p. ISBN: 978-88-913-2087-2

История Византия до его трансформации в Константинополь, похоже, начинает привлекать все более активное внимание антиковедов, и это довольно любопытный историографический феномен. Все началось 15 лет назад, когда увидело свет новое издание — по сути, первое, отвечающее актуальным научным требованиям, с переводом на современный европейский язык и подробным комментарием — «Плавания по Боспору» Дионисия Византийского¹, важнейшего, но во многом недооцененного до недавнего времени источника. Год спустя книгу по истории Византия от основания до 31 г. до н.э. опубликовал на турецком языке Мурат Арслан, профессор университета Акдениз²; кстати, эта работа является на сегодня самой объемной из всех, посвященных Византию (целых 579 страниц!) — притом, что она охватывает хронологически далеко не весь «доконстантинопольский» период истории города. К сожалению, автор не сопроводил текст хотя бы минимальным резюме на каком-нибудь из главных европейских языков, что ограничивает ценность книги для европейского читателя³. В 2014 г. опубликовал фундаментальный труд по истории Мегар и мегарских колоний румынский исследователь Адриан Робу, работающий во Франции⁴. В 2015 г. вышла в печать

¹ Belfiore 2009. Примечательно, что в 2010 г. были опубликованы сразу два перевода этого источника на турецкий язык, выполненные Э. Йозбайоглу и М. Явюзом, но они не стали сколько-нибудь заметным историографическим событием.

² Arslan 2010.

³ Это повод задуматься о том, насколько активно происходит включение турецкой науки об античности с ее национальным языком в современный историографический процесс и с какими проблемами это связано. Для отечественных исследователей, не понаслышке знакомых с фразой *Rossica non leguntur* (пусть даже и не декларируемой открыто), это далеко не праздный вопрос.

⁴ Robu 2014. В этой замечательной работе Византию вместе с тесно связанными с ним мегарскими колониями на Пропонтиде — Астакон, Калхедоном и Селимбрией, уделено почти 100 страниц (с. 200–292); соответствующая тематика нередко затрагивается и в других местах книги. А. Робу написал также целый ряд содержательных статей, касающихся истории, институтов и религии Византия, которые тут нет необходимости перечислять; попутно отметим, что в данном очерке не упоминаются и другие статьи многих авторов, заслуживающие несомненного внимания: речь идет только о монографиях.

довольно оригинальная по замыслу англо-турецкая коллективная монография об осадах и захватах Византия/Константинополя, одним из редакторов которой был тот же М. Арслан⁵; интересующему нас периоду в ней уделено немало места — 5 глав (из 20), занимающие полторы сотни страниц. В том же году защитил весьма содержательную докторскую диссертацию по Дионисию Византийскому болгарский исследователь Мартин Гюзелев⁶ — печально, но языковой фактор и в данном случае уменьшает ценность работы для мировой историографии: ссылки на нее в западной науке отсутствуют. Затем вышло выдержанное в весьма своеобразном концептуальном ключе исследование Томаса Рассела «Византий и Боспор»⁷, на которое авторы этих строк откликнулись рецензией на страницах ВДИ⁸. Дальше — больше: совсем недавно с разницей в один год увидели свет две монографии, посвященные достаточно узкой и специфической теме — мифам об основании Византия (одна из них — тоже на «малочитаемом» болгарском языке)⁹. Наконец, буквально только что были опубликованы два новых перевода Дионисия Византийского с комментариями¹⁰.

Насыщенность этого событийного ряда впечатляет: мало какой греческий полис, за исключением, пожалуй, Афин и Спарты, мог бы похвастаться таким стабильным привлечением интенсивного исследовательского внимания на протяжении последних полутора десятилетий, что резко контрастирует с предшествующим длительным «застоем»¹¹. Видимо, впору говорить о переходе количественных изменений в качественные, приведшем к формированию своеобразного исследовательского направления, связанного именно с «ранним» Византием. Оно включает в себя представителей различных национальных историографий (в данном случае по разным причинам не вполне подвергшихся активно происходящей ныне интернационализации науки и потому сохраняющих, хотя бы отчасти, свою «идентичность») и обладает, как кажется, немалым потенциалом. Для того чтобы лучше представить основные черты этого

⁵ Arslan, Kaçar 2017. Этот почин был подхвачен известным популяризатором античной (и не только) истории, чрезвычайно плодовитым автором Джоном Грэйнджером: в 2022 г. он опубликовал в своей излюбленной серии «Pen & Sword Military» книгу «Сорок осад Константинополя», в которой интересующему нас периоду уделено в общей сложности 7 глав, занимающих более 60 страниц текста. Упомянутую выше коллективную монографию исследователь, однако, не использует (Grainger 2022).

⁶ Gyuzelev 2015.

⁷ Russell 2017.

⁸ Surikov, Gabelko 2022.

⁹ Braccini 2019; Lozanova-Stancheva 2020.

¹⁰ Billerbeck 2023; Nicholson, Russell 2024. Не отрицая значимости этих изданий, отметим: первое из них выполнено филологом-классиком, практически не обращавшейся ранее к политико-географической проблематике, а второе по своему характеру является скорее популярным. Исходя из этого, представляется, что информативность «Плавания по Боспору» как исторического источника пока еще далеко не исчерпана.

¹¹ В предшествующий период наиболее важными исследованиями, в которых основательно затрагивалась названная проблематика, следует считать две монографии (охватывающие только эпоху архаики): Loukopoulou 1989 и Pal'tseva 1999, в которых Византий все же не занимает центрального места.

тренда, мы решили обратиться к рассмотрению исследования, которое не было названо раньше, но, тем не менее, органично занимает свое место среди перечисленных выше – монографии профессора Университета Вероны Луизы Пранди, озаглавленной «Византий до Византии: греческий город между двумя континентами» («Bisanzio prima di Bisanzio: Una città greca fra due continenti», 2020)¹². Эта книга важна не только сама по себе, но и постольку, поскольку в ней достаточно четко сформулированы концептуальные и методические подходы автора к истории Византия, с одной стороны, имеющие самостоятельное значение, а с другой – целенаправленно построенные на полемике с той парадигмой, которой придерживается упоминавшийся ранее Т. Рассел. Если британский исследователь достаточно молод и, видимо, именно поэтому весьма подвержен влиянию различных новейших, в основном постмодернистских подходов (достаточно вспомнить, как лихо он деконструирует традицию об основании Византия Мегарами), то Л. Пранди – весьма опытный специалист. Она начала публиковаться еще в 1970-х годах¹³, а в 1980-х, посчитав перспективным исследовать в монографическом формате историю отдельных эллинских полисов, выпустила книгу о Платеях¹⁴. После этого ею был задуман аналогичный проект по Византию – центру, разумеется, куда более значительному, чем Платеи, – но, как пишет сама исследовательница в начале рецензируемой работы (с. 3), обстоятельства различного характера препятствовали ей начать его реализацию вплоть до 2016 г. А тут как раз появился «Византий и Боспор» Рассела, и Пранди незамедлительно откликнулась на него статьей полемиического и даже критического характера¹⁵, готовя тем самым почву для собственного исследования. Кстати, эта работа в мало изменившемся виде вошла в ее книгу о Византии в качестве первой главы; был сохранен даже ее заголовок – «Историческая стратиграфия: как реконструировать историю Византия» (с. 3–16). Эта глава, в сущности, играет роль введения¹⁶; ей предшествует только краткое предисловие,

¹² В названии, кстати, присутствует игра слов, непередаваемая по-русски и основанная на том, что Византий и Византия в итальянском языке обозначаются одним и тем же словом.

¹³ Например, Prandi 1977. Тему своих интересов исследовательница на университетском сайте определяет так: «I am a scholar of ancient Greek world. I studied topics concerning archaic and classical institutions and identity, as well as Greek memories in the Roman culture. I am experienced in ancient historiography, above all with researches concerning Alexander the Great and Alexander historians, papyrus evidence included» (URL: <https://www.dcuci.univr.it/?ent=persona&lang=en&id=6315>; дата обращения: 12.06.2024).

¹⁴ Prandi 1988.

¹⁵ Prandi 2018. Незадолго до выхода в свет монографии она опубликовала также основательную статью, посвященную поистине «вечной» теме взаимоотношений и сходства/различия исторических судеб Византия и Калхедона, отразившихся в иронической характеристике граждан последнего как «слепых» (Prandi 2019). В рецензируемой книге сюжеты этого круга кратко рассмотрены на с. 40–43.

¹⁶ Исходя из этого, было бы не лишним поместить в данный раздел традиционный обзор источников и историографии, которого явно не хватает. Кстати, отметим сразу: несомненным плюсом книги является то, что автор, как и Т. Рассел, часто

содержащее в основном благодарности (с. 1–2). На ней поэтому необходимо остановиться достаточно подробно, тем более что здесь содержится изложение методологического кредо Л. Пранди, которое является, как и следовало ожидать, куда более традиционным, нежели у Т. Рассела.

Собственно, главное, что ей не нравится у британского ученого — это именно его сугубая увлеченность «модными веяниями». Итальянская исследовательница не без иронии пишет, что налицо «бесспорная привлекательность таких формулировок, как *connectivity, ethnicity, foundation stories, frontier history, intentional history, middle ground, network, peer polity interaction*» (с. 5) и замечает, что все это, конечно, хорошо, но прежде всего нужно опираться не на теории, а на данные источников. Она приводит ряд конкретных примеров того, как многие положения книги Т. Рассела, выглядящие на первый взгляд интересными и перспективными, в действительности построены исключительно на базе умственных конструкций автора, а не строгих фактов, и в результате оказываются чрезвычайно шаткими и практически недоказуемыми. Остановимся на таком примере: один из ключевых тезисов Рассела, красной нитью проходящий через его книгу, заключается в том, что на многих этапах истории Византия различные политические деятели, закреплявшиеся там (Гистией, Павсаний, Клеарх), а также и сами жители города взимали пошлину с кораблей, проходящих через пролив, пользуясь возможностью контролировать этот водный путь. Теория красивая, констатирует Пранди, но где убедительные свидетельства тому? А в их отсутствие можно говорить только о возможностях, а не об установленных фактах (с. 12).

Итальянская исследовательница убеждена: антиковеды и поныне могут полноценно работать на основе проверенных поколениями методологий¹⁷, и стремится продемонстрировать это всей своей монографией о Византии, написанной во вполне позитивистском ключе. Закономерно, что и наш обзор рецензируемой монографии во многом будет строиться на основе сравнения с книгой Т. Рассела и нашей рецензией на нее.

В книге Л. Пранди само изложение материала, как это обычно и принято, в основном соответствует хронологическому порядку событий (адекватность именно такого подхода специально обосновывается на с. 8–12). Так, если Рассел рассмотрение проблемы возникновения данного полиса (точнее, преданий об

обращается к данным «Плавания по Боспору» Дионисия Византийского. Другое дело, что, как будет показано далее, из «Плавания» извлекается далеко не вся информация.

¹⁷ Специалисты по античности ныне более или менее разделились на позитивистов и постмодернистов, и представителям этих условных направлений практически невозможно найти общий язык — по крайней мере, пока. Ср. весьма критичную оценку постмодернистского деконструкционизма в Meyer, London 2005, 261: «Подобно анархистам, деконструкционисты стремятся только взрывать и разрушать, оставляя читателей в страхе — в страхе, что они были наивными. Поскольку в *теории* возможно все, следовательно, возможно все, и, следовательно, смысл может содержаться в самом субъективном процессе интерпретации... Деконструкция антиисторична; остается только критик, существующий критическим сознанием» (курсив принадлежит авторам цитируемой статьи). Оба автора этих строк в основном присоединяются именно к такой позиции.

этом возникновении, к которым он относится гиперкритически) откладывает до последней главы своей книги, то у Пранди сразу вслед за первой главой, рассмотренной выше (она, как мы отметили, имеет вводный характер), следует глава, озаглавленная «Полис с многими основателями» (с. 17–28). В ней отмечается, что, хотя состояние источниковой базы по этой теме действительно порождает ряд сложных вопросов, все-таки с наибольшей вероятностью у Византия была одна (или, во всяком случае, главная) метрополия — Мегары. При этом она обоснованно отмечает наличие заметных разногласий в традиции — в частности, существований мегарской и местной, собственно византийской версий Ktisissage (с. 19–20). Автор уклоняется также от предоставления прямого ответа на вопрос, следует ли действительно говорить о семи метрополиях Византия, как это можно было бы допустить исходя из пассажа Дионисия Византийского о Гестиях — семи очагах, воздвигнутых то ли представителями метрополий, то ли семью знатнейшими мегарскими родами (53) (мы же, в свою очередь, полагаем, что в этой информации содержится немало ценного)¹⁸.

Третья глава, очень небольшая (с. 29–34), называется «Перед лицом персидской экспансии». Ее хронологические рамки — период между скифской экспедицией Дария I и 478–477 гг. до н.э., когда Византий был освобожден от владычества персов. Л. Пранди постоянно подчеркивает, что источниковых данных по этому этапу истории города (впрочем, как и почти по любому другому) мало¹⁹, и поэтому нужно всячески блюсти осторожность в выводах, что она и делает. Наиболее подробно в главе освещается участие византийцев в Ионийском восстании. Мало о чем исследовательница говорит с уверенностью; а когда это случается — звучат порой вещи вполне тривиальные, например: «Что кажется безусловным — это то, что в 477 г. до н.э. Византий начал новую фазу своего существования, более свободную от противостояния с персами» (с. 34).

Значительно более обширна четвертая глава, «Между Спартой и Афинами» (с. 35–66). Она разделяется на пункты. В пункте 1 речь идет о роли некоторых видных спартанцев (регента Павсания, Клеарха, Лисандра) в судьбе города. Автор и тут показывает себя подчеркнутым традиционалистом. Так, существует известное свидетельство Юстина (обычно считающееся загадочным) о том, что Византий был основан Павсанием (IX. 1. 2). Отношение исследовательницы к нему вполне ожидаемо: по ее мнению, в своем буквальном смысле свидетельство недостоверно, оно только указывает на некий позитивный момент в истории города (с. 37). А между тем фраза Юстина, возможно, имеет разгадку, заключающуюся в том, что Павсаний, восстановивший Византий фактически из небытия (в конце Ионийского восстания разгромленный город был покинут

¹⁸ Ср. Robu 2014, 282–285.

¹⁹ Впрочем, комбинирование сведений Геродота, Ктесия Книдского и Дионисия Византийского с привлечением данных других источников позволяет рассмотреть перипетии истории Византия и Калхедона в конце VI — начале V в. до н.э. во всех деталях и обосновать немало новых предположений. См. Gabelko, Rung 2020. Л. Пранди, разумеется, уделяет некоторое внимание имеющим отношение к этим событиям пассажам Дионисия Византийского (14; 57), но не высказывает особо оригинальных идей.

жителями), действительно был официально провозглашен его ойкистом²⁰. Кроме того, имеются полновесные резоны предполагать непосредственное участие лакедемонян в основании Византия еще в эпоху архаики²¹. В целом автор полагает, что ни повторяющиеся попытки спартанцев установить контроль над Византием, ни пребывание в городе наемников Кира Младшего в 400 г. до н.э. не привели к серьезному экономическому и политическому ослаблению полиса; в то же время внешнеполитические перипетии отчасти затемняют вопросы внутреннего устройства и не дают возможности установить ход событий, связанных со сменой политических режимов в полисе.

Отношениям Византия с Афинами посвящен пункт 2 «Два Афинских морских союза». Содержание пункта сводится, в общем, к сводке фактов, черпаемых из источников (прежде всего нарративных и эпиграфических) и имеющих отношение к членству города на Боспоре в этих военно-политических объединениях. Рассматриваются и действия фиванцев по усилению своего морского могущества в 360-х годах, частью которых стало их стремление закрепиться в Византии, а также попытки византийцев совместно с Хиосом и Родосом выйти из-под афинского контроля (т.н. Союзническая война 357–355/4 гг. до н.э.). По итогам всех этих событий Византий существенно усилился, что даже позволило ему установить контроль над Селимбрией и Калхедоном.

В той же главе встречаем также небольшой экскурс (с. 63–66) по интересной проблеме византийских железных денег, которые, согласно упоминаниям у нескольких писателей (самым ранним из которых является Аристофан), имели хождение в V в. до н.э., до того, как полис начал собственную серебряную чеканку²². В литературе по этому вопросу нет единства мнений. Т. Рассел²³ высказывает мнение, что никаких византийских железных монет вовсе и не было, что это фиктивный феномен, источником которого послужила какая-то шутка Аристофана, истинный смысл которой со временем оказался забыт. Есть и те ученые, которые не видят ничего невозможного в реальной историчности железной чеканки и указывают возможные причины появления этой практики²⁴. Что касается Л. Пранди, она и тут верна себе и заключает тем, что вопрос приходится оставить открытым.

В следующей главе, «Византий и Македонское царство» (с. 67–83), автор обращается к важной эпохе в жизни города. На с. 67–79 излагаются детали его войны с Филиппом II в 340 г. до н.э. Исследовательница достаточно подробно анализирует ход событий, но отчего-то (как и Т. Рассел в своей монографии)

²⁰ См. старую статью, не учтенную автором: Lehmann-Haupt 1921; более подробно и с привлечением новой аргументации см. Surikov 2020.

²¹ См. Gabelko 2023. Основания считать так дает реинтерпретация сообщения Дионисия Византийского (24) в сопоставлении с данными Константина Багрянородного (*De them.* II. 85 Pertusi).

²² Что произошло, судя по всему, даже не в конце V, а в начале IV в. до н.э. (Figueira 1998, 59). Кстати, аналогично омолаживают ныне и первую чеканку соседнего Калхедона (Türkoğlu 2014, 589).

²³ Russell 2017, 219–221.

²⁴ Например, Figueira 1998, 62.

фактически проходит мимо упоминания Дионисием Византийским победы граждан полиса над флотоводцем Филиппа Деметрием в местности, названной Фермерией — «Жаркодневной» (65)²⁵. Л. Пранди разбирается также в содержании византийского декрета о почестях афинянам, который сохранился в составе одной из речей Демосфена (XVIII. 90–92) и опять же является спорным в плане своей аутентичности (она и здесь занимает колеблющуюся позицию). Затем рассматривается место Византия в событиях времен борьбы диадохов и его контакты с ними (прежде всего, с Антигоном, Деметрием Полиоркетом и Лисимахом). Л. Пранди задается вопросом, в какой мере к политике, проводимой полисом в период диадохов, правомерно применять понятие нейтралитета, и делает вывод, что удачным средством выхода из сложных ситуаций, связанных с необходимостью противостоять новым политическим силам (а также и окрестным фракийцам, оказывающим на город постоянное давление) для византийцев стало вступление в антиселевкидскую Северную лигу (совместно с Вифинией, Гераклеей Понтийской, Калхедоном).

Шестая глава, «Между полисами и царствами» (с. 85–106), переносит нас в эллинистический период. Исследовательница освещает участие граждан в Северной лиге (с. 85–89), их последующие отношения с городами Западного Понта (конфликт с Каллатисом за эмпорий Тома). Противоречия с галатами и Прусием I Вифинским привели к войне 220 г. до н.э. (с. 89–92). Происходит постепенное сближение византийцев с Родосом и Пергамом. Специальному рассмотрению подвергнут афинский декрет IG II³ 1238, проливающий свет на афинско-византийские отношения на рубеже III–II вв. до н.э. (с. 92–97). Все эти события наглядно демонстрируют участие византийского государства в имевших место на протяжении III–I вв. до н.э. войнах и союзах, однако читателя не оставляет ощущение, что описать их можно было с гораздо большей степенью подробности и глубины. С другой стороны, целенаправленно рассматриваются становление и эволюция отношений с Римом (с. 97–106), чего совершенно не было сделано в монографии Т. Рассела. Беря за основу пространный рассказ Тацита (*Апп.* XII. 62–63), где говорится об истории Византия и его контактах с ведущими римскими политиками, Л. Пранди последовательно анализирует отдельные его пассажи и сопоставляет их с данными других источников. Исследовательница приходит к выводу, что постепенная интеграция Византия в римскую державу была во многом связана со стремлением его граждан обеспечить надежную защиту своих внешних владений, чего было трудно добиться без помощи со стороны могущественного гегемона. Верхний хронологический рубеж, до которого автор доводит свое исследование — правление Траяна.

²⁵ Автор следует интересной, но в целом малообоснованной гипотезе А. Думитру, согласно которой данный эпизод следует отнести к правлению другого македонского царя, Филиппа V (Dumitru 2006). Между тем существование такого полководца Филиппа II подтверждено и эпиграфическими данными — надписями на прашных пулях (Nankov 2020). Сообщение Дионисия, будучи помещено в верный хронологический и событийный контексты, оказывается не только важным само по себе, но и позволяет существенно уточнить ход войны в целом, см. Gabelko 2021.

Главы со второй по шестую представляют собой, таким образом, позитивистский событийный нарратив; последующие же являются тематическими, каждая из них охватывает практически весь затрагиваемый в книге период. Нельзя не отметить, что проблемно-хронологический подход реализуется автором вполне удачно и не создает впечатления каких бы то ни было сбоев в логике повествования. Название седьмой главы — «Хора Византия: история в эпизодах» (с. 107–135). В ней прослеживаются основные моменты эволюции пресловутой хоры и связанные с этим вопросы: каково ее происхождение, что она представляла собой в V и IV вв. до н.э., во времена Александра и диадохов, в эпоху эллинизма, каково было ее экономическое значение для полиса. Здесь же довольно тщательно собраны свидетельства о взаимоотношениях византийцев с фракийскими соседями²⁶ и галатами, где вопросы, касающиеся хоры, тесно переплетаются с внешнеполитическими проблемами (с. 122–125). Важным является дополнение «Территориальные реалии» (с. 129–135): в нем собраны данные о топографии собственно полиса и географической структуре его владений.

Византий обладал не только хорой в собственном смысле слова, территориально примыкающей к городскому центру в Европе, но и владениями, отделенными от него морем, — так называемой переи в Азии, «второй хорой», как ее характеризует Л. Пранди в названии восьмой главы (с. 137–145). Феномен переи был в большей степени характерен для островных полисов²⁷, что является вполне естественным. Но Византий ведь в силу своего положения в определенных отношениях (не во всех, конечно) имел черты сходства с островами, будучи расположен одновременно на берегах залива (Рог), пролива (Боспор) и моря (Пропонтида). Кстати, проблема византийской переи почти не затронута в книге Т. Рассела²⁸, но зато на всем ее протяжении акцентируется (и рассматривается в самых разных аспектах) огромное значение Боспора Фракийского для судьбы города. Л. Пранди рассматривает эту тему в довольно краткой главе «Византий и Боспор» (с. 147–154). Пожалуй, отсюда можно заключить, что она считает роль пролива в жизни находившегося на нем полиса не столь значительной, как Рассел, хотя совершенно отрицать ее, конечно, и для нее невозможно.

Наконец, в последней, десятой главе, «Образ византийцев» (с. 155–163), исследовательница предпринимает некую попытку «поиграть на поле противника» (в данном случае Т. Рассела), т.е. заняться проблематикой, связанной с ментальностями. Поскольку это, в общем-то, не в ее духе, в главе по большей части говорится о том, что уже историки классической эпохи (Геродот, Фукидид, Ксенофонт) относились к Византию с большим интересом, причем эта традиция

²⁶ Излишне говорить, что, многократно упоминая взаимоотношения византийцев с фракийцами в различных контекстах, автор придерживается традиционной (и кажущейся почти безусловно верной) точки зрения об их преимущественно враждебном характере, в чем ее взгляды резко расходятся с мнением Т. Рассела (см. Surikov, Gabelko 2022, 746).

²⁷ О переях важнейших эгейских островов см. Constantakopoulou 2007, 228–253.

²⁸ А там, где затронута, — очень уязвима для критики; см. Surikov, Gabelko 2022, 745, п. 19–20.

сохранялась и в дальнейшем (как об этом прямо заявляет Полибий). В общем, здесь перед нами сводка мнений, которые высказывались об этом городе различными античными авторами. Они, как правило, делали акцент на богатстве и процветании Византия, достигнутых во многом благодаря его уникальному географическому положению, с течением времени ставшему исключительно выгодным для развития торговли и рыболовства, и порожденных этими факторами чертах имиджа византийцев, очень часто освещаемых иронически (любовь к роскоши, изнеженность, развращенность). Кое-что новое в эту подборку источников, впрочем, могут внести фрагменты авторов новой комедии, причем не одного только используемого автором Менандра²⁹.

Роль заключения к книге выполняет небольшой очерк «К истории networks Византия» (с. 165–169), в котором речь идет, как понятно, о внешних связях города. Английское слово в его заголовке употреблено, несомненно, вполне сознательно и, может быть, даже с ироническим подтекстом: как говорилось выше, в начале своего труда Л. Пранди сетует на засилье англоязычной терминологии в современных исторических исследованиях и намекает, что вполне можно обходиться без нее.

Подведем итоги. Перед нами серьезная, фундированная, скрупулезно выполненная в традиционном духе классического антиковедения монография, автор которой всегда и во всем строго придерживается источников и не боится сказать *non liquet*, когда они, с ее точки зрения, ничего другого не позволяют. Безусловно, именно так нужно писать научные работы. И все-таки оба автора данной рецензии (что характерно, совершенно независимо друг от друга!) по ходу чтения книги нередко ощущали, будто здравый позитивизм Л. Пранди порой выглядит каким-то уж чрезмерно позитивистским; более того, иногда нам не хватало зазорных фантазий Т. Рассела. Как поется в известной песне Булата Окуджавы, «Нужно что-то среднее. Да где ж его взять?». Если же завершить рецензию на серьезных тонах, то в качестве основного замечания по монографии Л. Пранди можно отметить, что некоторые немаловажные моменты истории Византия могли бы быть рассмотрены в ней более детально и подробно: источники часто дают такую возможность, и потому проявлять излишний лаконизм нет необходимости.

Литература / References

- Arslan, M. 2010: *İstanbul'un antikçağ tarihi: Klasik ve Helenistik Dönemler*. İstanbul.
 Arslan, M., Kaçar, T. (eds.) 2017: *Byzantion'dan Constantinopolis'e İstanbul Kuşatmaları*. İstanbul.
 Belfiore, S. 2009: *Il Periplo del Ponto Eusino di Arriano e altri testi sul Mar Nero e il Bosforo. Spazio geografico, mito e dominio ai confini dell'impero Romano*. Venezia.
 Billerbeck, M. 2023: *Dionysios von Byzanz, Anaplos Bospori. Die Fahrt auf dem Bosporos. Einleitung, Text, Übersetzung und Kommentar*. Basel.
 Braccini, T. 2019: *Bisanzio prima di Bisanzio. Miti e fondazioni della nuova Roma*. Roma.
 Constantakopoulou, C. 2007: *The Dance of the Islands: Insularity, Networks, the Athenian Empire and the Aegean World*. Oxford—New York.
 Dumitru, A. 2006: Byzance et les Philippe de Macédonie. *Revue des Études Grecques* 119/1, 139–156.

²⁹ См., например, Gabelko 2019.

- Figueira, T.J. 1998: *The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire*. Philadelphia.
- Gabelko, O.L. 2019: [Cydares and Camares: Unchecked Evidence about Fishing and Seafaring in Byzantium]. *Aristey [Aristeas]* 19, 36–44.
- Габелко, О.Л. Кидары и камары: незамеченные свидетельства о рыбной ловле и мореплавании в Византии. *Арустеѝ* 19, 36–44.
- Gabelko, O.L. 2021: Dion. Byz. 65: An Unexpected Link between the Military History of Macedonia and the Antigonid Genealogy. In: V. Pappas, D. Terzopoulou (eds.), *Ancient Macedonia VIII. Macedonia from the Death of Philip II to Augustus' Rise to Power. Papers read at the Eighth International Symposium held in Thessaloniki, November 21–24, 2017*. Thessaloniki, 497–512.
- Gabelko, O.L. 2023: [To the Interpretation of Dion. Byz. 32: A Forgotten Episode of the Greek Colonization?]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya» [Electronic Scientific-Educational Journal “History”]* 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024624-5-1/>; date of access: 28.06.2024.
- Габелко, О.Л. К интерпретации Dion. Byz. 32: забытый эпизод Великой греческой колонизации? *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024624-5-1/>; дата обращения: 28.06.2024.
- Gabelko, O.L., Rung, E.V. 2020: [Byzantium and Calchedon during the Scythian Expedition of Darius I]. *Aristey [Aristeas]* 21, 139–155.
- Габелко, О.Л., Рунг, Э.В. Византий и Калхедон во время скифского похода Дария I. *Арустеѝ* 21, 139–155.
- Grainger, J.D. 2022: *The Forty Sieges of Constantinople. The Great City's Enemies and Its Survival*. Barnsley.
- Gyuzelev, M. 2015: *Dionisiy Bizantiyski i negoviyat Anaplus na Bospora kato izvor za istoriyata i kulturata na Yugoiztochna Evropa [Dionysios of Byzantium and His “Anaploous Bosporou” as a Source on the Culture and History of the South-Eastern Europe]*. PhD thesis. Sofia.
- Гюзелев, М. Дионисий Бизантийски и неговият Анаплус на Боспора като извор за историята и културата на Югоизточна Европа. Дисс. София.
- Lehmann-Haupt, C.F. 1921: Pausanias, Heros Ktistes von Byzanz. *Klio* 17, 59–73.
- Loukopoulou, L.D. 1989: *Contribution à l'histoire de la Thrace propontique durant la période archaïque*. Athènes.
- Lozanova-Stancheva, V. 2020: *Zevksipos ili Bizantion. Grad”t na sl”ntseto [Zeuxippos or Byzantium. The City of Sun]*. Sofia.
- Лозанова-Станчева, В. Зевксипос или Бизантион. Градът на слънцето. София.
- Meyer, E.A., Lendon, J.E. 2005: Greek Art and Culture since Art and Experience in Classical Greece. In: J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.), *Periclean Athens and Its Legacy: Problems and Perspectives*. Austin, 255–276.
- Nankov, E. 2020: Demetrius, dux Philippi: A Macedonian Commander of Philip II in Thrace (According to the Inscribed Sling Bullets). *Bulgarian e-Journal of Archaeology* 10/1, 143–148.
- Nicholson, O., Russell, T. 2024: Dionysios of Byzantios. Introduction. Text. In: D.G.J. Shipley (ed.), *Geographers of the Ancient Greek World. Selected Texts in Translation*. Vol. II. Cambridge, 820–852.
- Pal'tseva, L.A. 1999: *Iz istorii arkhaicheskoy Gretsii: Megary i megarskie kolonii [From the History of the Archaic Greece: Megara and Megarian Colonies]*. Saint Petersburg.
- Пальцева, Л.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб.
- Prandi, L. 1977: I processi contro Fidia, Aspasia, Anassagora e l'opposizione a Pericle. *Aevum* 51/1–2, 10–26.
- Prandi, L. 1988: *Platea. Momenti e problemi della storia di una polis*. Padova.
- Prandi, L. 2018: Historic Stratigraphy. How to Reconstruct the History of Byzantium (Apropos a Recent Book). *Politica Antica: Rivista di prassi e cultura politica nel mondo greco e romano* 8, 9–19.
- Prandi, L. 2019: Ancora sulla “città dei ciechi”. Bisanzio e Calcedone fra oracoli e correnti marine. In: L. Prandi (a cura di), *EstOvest. Confini e conflitti fra Vicino Oriente e mondo greco-romano*. Roma, 63–78.
- Robu, A. 2014: *Mégare et les établissements mégariens de Sicile, de la Propontide et du Pont-Euxin. Histoire et institutions*. Berne.
- Russell, T. 2017: *Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople*. Oxford.

- Surikov, I.E. 2020: [Pausanias the Spartan, a Founder of Byzantium]. In: A.V. Belousov, E.V. Pyushechkina (eds.), *Homo omnium horarum: Sbornik statey v chest' 70-letiya A.V. Podossinova* [*Homo omnium horarum: A Collection of Articles on the Occasion of A.V. Podossinov's 70th Anniversary*]. Moscow, 523–533.
- Суриков, И.Е. Павсаний Спартанский, основатель Византия. В сб.: А.В. Белоусов, Е.В. Илюшечкина (ред.), *Ното отниум хорарум: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова*. М., 523–533.
- Surikov, I.E., Gabelko, O.L. 2022: [Rev.: Russell T. Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 82/3, 741–750.
- Суриков, И.Е., Габелко, О.Л. Рец.: Russell, T. 2017: Byzantium and the Bosphorus: A Historical Study, from the Seventh Century BC until the Foundation of Constantinople. Oxford, 2017. *ВДИ* 82/3, 741–750.
- Türkoğlu, İ. 2014. The Civic Coinage of Calchedon. In: K. Dörtlük, O. Tekin, R. Boyraz Seyhan (eds.), *First International Congress of the Anatolian Monetary History and Numismatics 25–28 February 2013. Proceedings*. Antalya, 589–606.

Igor E. Surikov,

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
E-mail: isurikov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2603-6146

И.Е. Суриков,

д.и.н., главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

Oleg L. Gabelko,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia
E-mail: gabelko@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8321-9195

О.Л. Габелко,

д.и.н., профессор
Российского государственного
гуманитарного университета,
Москва, Россия